

В совет по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук 73.2.003.02 по специальности 5.1.3. Частноправовые (цивилистические науки) (юридические науки), созданного на базе Межгосударственного образовательного учреждения Высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, 30

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора юридических наук, профессора, заместитель директора по научной и учебной работе Института государства и права Национальной академии наук Таджикистана Сангинзоды Дониёра Шомахмада на диссертационную работу Астаповой Шахнозы Рашидовны на тему: «Ограничения исключительных прав и пределы их осуществления в гражданском праве Республики Таджикистан», представленной на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что в современных условиях исключительные права всё чаще оказываются в центре пересечения интересов правообладателей, общества и государства. Развитие цифровой экономики, широкое распространение информационных технологий и активное вовлечение результатов интеллектуальной деятельности в гражданский оборот существенно расширяют возможности их использования, но одновременно ставят перед правом новые вопросы. Одним из наиболее важных среди них является определение границ исключительного права и обеспечение разумного соотношения интересов правообладателя и интересов общества.

В условиях цифровой трансформации экономики и стремительного развития технологий исключительные права приобретают особое значение

как правовой механизм, призванный стимулировать творческую и инновационную деятельность и одновременно обеспечивать защиту интересов правообладателей. Сегодня результаты интеллектуальной деятельности становятся одним из важнейших ресурсов экономического и технологического развития государства. Не случайно, как пишет сам автор диссертации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своём Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28 декабря 2024 года подчеркнул значение идей, новаторства и изобретений как интеллектуального ресурса граждан, способствующего экономическому и технологическому развитию страны (с. 3 диссертации).

Вместе с тем предоставление правообладателю исключительного права предполагает не только его защиту, но и необходимость определения разумных границ его реализации. Исключительное право по своей природе предоставляет правообладателю значительный объём юридических возможностей, позволяя контролировать использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности другими лицами. Однако такая правовая монополия не может быть безграничной. В противном случае исключительное право, призванное стимулировать творчество и инновации, может стать препятствием для развития конкуренции, распространения знаний и дальнейшего технологического прогресса.

Обращение к данной проблематике обусловлено также сохраняющейся дискуссионностью вопросов, связанных с ограничениями исключительных прав и пределами их осуществления. В юридической науке до настоящего времени не сформировался единый подход к определению правовой природы таких ограничений, их классификации и соотношению с общими пределами осуществления гражданских прав. Нельзя не учитывать и состояние законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности. Развитие новых технологий и изменение способов создания, распространения и

использования результатов интеллектуальной деятельности требуют постоянного совершенствования правового регулирования.

Из изложенного вытекает, что обращение к проблеме ограничений исключительных прав и пределов их осуществления представляется своевременным и закономерным.

Научная новизна диссертационного исследования определяется прежде всего тем, что автором на основе комплексного анализа законодательства и существующих в юридической науке доктринальных подходов разработана концепция разграничения понятий «ограничения исключительных прав» и «пределы осуществления исключительных прав». Предлагаемый подход позволяет более последовательно раскрыть различия между указанными правовыми категориями и соответствует исходному замыслу их дифференциации, заложенному в Гражданском кодексе Республики Таджикистан.

Существенный интерес представляет обоснованная автором позиция о правовой природе исключительных прав. Диссертант рассматривает их как разновидность имущественных прав, занимающих самостоятельное место в системе субъективных гражданских прав наряду с вещными и обязательственными правами. При этом автор выделяет совокупность устойчивых признаков, характеризующих исключительные права: исключительный, абсолютный, срочный и имущественный характер, нематериальную природу объекта, а также территориальные рамки их действия (с. 57–59 диссертации).

Заслуживает внимания и предложенное в диссертации решение вопроса о соотношении категорий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права». Согласно обоснованной автором позиции, интеллектуальная собственность представляет собой собирательное понятие, охватывающее результаты интеллектуальной деятельности, тогда как исключительные права выступают формой субъективного имущественного права, возникающего в отношении таких результатов (с.

54–59 диссертации). Такое разграничение позволяет более чётко определить содержание и правовую природу рассматриваемых категорий.

Одним из наиболее заметных результатов исследования является разработанная автором классификация ограничений исключительного права с учётом целей правового регулирования. В её основе лежит разграничение двух групп: ограничений, направленных на установление внутренних границ исключительного права, и ограничений, устанавливаемых в интересах третьих лиц и общества, то есть внешних ограничений (с. 73 диссертации).

Определённый научный интерес представляет вывод диссертанта о сфере применения конструкции исчерпания права. Автор обосновывает позицию, согласно которой исчерпание права может применяться исключительно к правомочию распространения экземпляров охраняемого объекта и не распространяется на правомочие воспроизведения. Исходя из этого, в диссертации делается вывод о том, что перепродажа цифровых копий может рассматриваться как нарушение исключительного права на воспроизведение (с. 96–99 диссертации).

Практическую направленность исследования отражает разработанная автором система предложений по совершенствованию законодательства Республики Таджикистан. Предложения касаются внесения соответствующих изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Таджикистан и специальные законы в сфере интеллектуальной собственности и направлены на повышение последовательности и эффективности правового регулирования рассматриваемых отношений (с. 177–179).

В целом совокупность представленных положений свидетельствует о том, что диссертационное исследование содержит элементы научной новизны, имеет самостоятельное теоретическое значение и ориентировано на решение актуальных проблем правового регулирования исключительных прав. Положения, выносимые автором на защиту,

логически связаны между собой и в совокупности раскрывают основные результаты проведённого исследования.

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций. Представленные в диссертации Астаповой Ш.Р. научные положения, выводы и практические рекомендации являются в полной мере обоснованными. Их достоверность и убедительность обеспечиваются корректно выбранной и последовательно реализованной методологией исследования, которая органично сочетает общенаучные и специальные юридические методы познания. Примененный методологический инструментарий позволил автору провести комплексный анализ правовой природы исключительных прав, выявить сущностные взаимосвязи и различия между их ограничениями и пределами осуществления, а также выстроить стройные классификации исследуемых явлений. Сравнительный анализ национального законодательства с нормами международного права и опытом иностранных государств придал выводам диссертанта дополнительную аргументированность.

Теоретическая база исследования отличается глубиной и широтой. Автор опирается на фундаментальные труды классиков цивилистической науки (С.С. Алексеев, О.С. Иоффе, И.А. Покровский, Г.Ф. Шершеневич и др.), работы современных ученых в области общей теории права, гражданского и интеллектуального права, что позволило обеспечить преемственность научного знания и рассматривать исследуемую проблематику в контексте сложившихся доктринальных подходов.

Обоснованность результатов исследования подкреплена анализом широкого круга нормативных правовых актов Республики Таджикистан, международных договоров, а также правоприменительной практики. Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики, которые используются автором для иллюстрации и подтверждения сформулированных теоретических положений (с. 28, 31, 86, 93, 143, 153 диссертации). Автор демонстрирует критический подход к

исследуемым источникам, обращая внимание на существующие пробелы и противоречия правового регулирования.

Оценка достоверности выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Достоверность всех сформулированных выводов и рекомендаций не вызывает сомнений и подтверждается их широкой апробацией на представительных международных и республиканских научно-практических конференциях, в том числе на площадках Высшей школы экономики (г. Москва), Таджикского национального университета и Российско-Таджикского (Славянского) университета. Ключевые результаты исследования прошли независимое рецензирование и опубликованы в 10 научных статьях общим объёмом 6,1 п.л., в том числе 4 статьях в журналах, включённых в перечень ВАК Российской Федерации.

Структура и содержание диссертации. Структура диссертационного исследования обусловлена объектом, предметом, целями и задачами работы и отличается логической стройностью и внутренней согласованностью. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка использованных источников. Общий объем работы составляет 198 страниц, что соответствует предъявляемым к кандидатским диссертациям требованиям.

Введение диссертации содержит обоснование актуальности темы, определение цели и задач, объекта и предмета исследования, характеристику методологической и теоретической основы, формулировку научной новизны и положений, выносимых на защиту. Введение написано четко и структурированно, дает полное представление о замысле диссертанта и общем направлении исследования.

Первая глава «Общие теоретические положения об исключительных правах» состоит из двух параграфов и носит концептуальный характер, создавая необходимый теоретический фундамент для последующего анализа (с. 19-63 диссертации). В первом параграфе «Понятие, признаки

исключительных прав и их место в системе субъективных гражданских прав» на основе доктринальных и законодательных положений проведен анализ понятия исключительных прав, выявлены и систематизированы их квалифицирующие признаки. Автор обоснован вывод о самостоятельном месте исключительных прав в системе субъективных гражданских прав наравне с вещными и обязательственными правами. Во втором параграфе «Исключительные права в системе интеллектуальной собственности: анализ теории и законодательства» диссертант подвергает критическому анализу законодательное определение интеллектуальной собственности, выявляет терминологические коллизии и предлагает пути их устранения, разграничивая категории «интеллектуальная собственность» как совокупность охраняемых объектов и «интеллектуальные права» как совокупность правомочий правообладателя.

Вторая глава «Ограничения исключительных прав и их виды» состоит из трех параграфов и представляет собой центральную часть исследования, в которой автор переходит от общетеоретических положений к анализу конкретных правовых конструкций (с. 63-123 диссертации). В первом параграфе «Научные подходы к разграничению пределов и ограничений субъективных прав и их значение для правового режима исключительных прав» диссертант проводит анализ сложившихся в юридической литературе подходов к соотношению названных понятий, аргументированно обосновывает позицию в пользу разделительного подхода и определяет содержательную самостоятельность каждой из категорий. Во втором параграфе «Ограничения, направленные на установление внутренних границ исключительного права» автором последовательно раскрыты четыре вида таких ограничений: по видам правомочий, по сроку действия, по территории действия и ограничения, связанные с исчерпанием права. Особое внимание уделено проблеме применения конструкции исчерпания права к цифровым экземплярам объектов интеллектуальной собственности. В третьем параграфе

«Ограничения исключительного права, установленные в интересах третьих лиц и общества (внешние ограничения)» диссертант выделяет пять подвидов таких ограничений, анализирует проблемы правового регулирования свободного использования, цитирования и принудительного лицензирования, предлагая конкретные изменения в законодательство.

Третья глава «Пределы осуществления исключительных прав» состоит из двух параграфов (с. 123-177 диссертации). В первом параграфе «Понятие пределов осуществления исключительных прав и их связь со злоупотреблением исключительным правом» автор раскрывает взаимосвязь пределов осуществления и злоупотребления правом через схему: установление пределов – превышение пределов – злоупотребление правом. Диссертант аргументирует самостоятельную природу злоупотребления правом по отношению к правонарушению и обосновывает необходимость конкретизации пределов осуществления исключительных прав в специальном законодательстве. Во втором параграфе «Критерии определения пределов осуществления исключительных прав» автором построена классификация пределов по источникам их установления на пределы, основанные на законе, и пределы, вытекающие из морально-нравственных начал гражданского права, что позволяет систематизировать критерии оценки поведения правообладателя.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются основные выводы и предложения.

В целом диссертационное исследование Астаповой Шахнозы Рашидовны представляет собой законченную, самостоятельную и логически выстроенную научную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития цивилистической науки и совершенствования законодательства Республики Таджикистан в сфере интеллектуальной собственности. Автором проделан значительный объем

работы по систематизации доктринальных подходов, анализу действующего законодательства и правоприменительной практики. Диссертация написана юридически грамотным языком, ее содержание свидетельствует о глубоком понимании автором исследуемой проблематики и способности самостоятельно вести научный поиск.

Аннотация диссертации в полной мере соответствует содержанию диссертационного исследования и отражает его основные положения, выводы и рекомендации. Его оформление соответствует установленным требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842.

Несмотря на общую положительную оценку диссертации, нельзя обойти вниманием ряд замечаний, которые требуют разъяснения в ходе защиты.

1. На стр. 44 диссертации автор отмечает, что «исключительные права представляют собой разновидность имущественных прав, которые занимают самостоятельное место в системе субъективных гражданских прав наравне с вещными и обязательственными правами». Данное утверждение представляется дискуссионным и, на наш взгляд, требует более подробного обоснования.

В современной науке интеллектуального права всё чаще обращается внимание на особую, сложную природу исключительного права, которую не всегда возможно объяснить исключительно через традиционное деление гражданских прав на вещные и обязательственные. С одной стороны, исключительному праву присущи признаки, характерные для абсолютных прав, поскольку правообладатель может защищать своё право от нарушений со стороны неопределённого круга лиц. В то же время, исключительное право может передаваться по договору, а его реализация нередко связана с возникновением относительных лицензионных отношений. Кроме того, исключительное право существует в тесной связи

с личными неимущественными правами автора, что также свидетельствует об особой специфике его правовой природы.

В связи с этим представляется, что вывод автора о месте исключительных прав в системе гражданских прав был бы более убедительным, если бы автор дополнительно обосновал отнесение исключительных прав именно к имущественным правам, либо определил критерии, позволяющие разграничить их с вещными и обязательственными правами.

2. На стр. 54–59 диссертации автор критикует легальное определение интеллектуальной собственности, содержащееся в ч.1 ст. 1235 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, и предлагает рассматривать интеллектуальную собственность как собирательное понятие, охватывающее результаты интеллектуальной деятельности, а не права на них. Данная позиция заслуживает внимания, однако вызывает вопросы с точки зрения соответствия международным стандартам.

Как справедливо отмечает сам автор, Стокгольмская конвенция об учреждении ВОИС 1967 года в ст. 2 определяет интеллектуальную собственность именно как совокупность прав, относящихся к интеллектуальной деятельности. Соглашение ТРИПС 1994 года также под термином «интеллектуальная собственность» понимает категории прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Таким образом, предложенный автором подход, согласно которому интеллектуальная собственность – это «система охраняемых интеллектуальных объектов», расходится с устоявшейся международной практикой. Если следовать логике автора, то термин «интеллектуальная собственность» должен быть исключён из правового лексикона как теоретически непродуманный, либо сохранён только в значении объектов. Однако действующее международное право и законодательство большинства развитых стран придерживаются иной позиции.

В этой связи автору следовало бы либо более убедительно обосновать необходимость отступления от международных стандартов применительно к Республике Таджикистан, либо предложить компромиссный вариант, сохранив за интеллектуальной собственностью значение совокупности прав, но чётко разграничив это понятие с категорией «объекты интеллектуальной собственности». Предлагаемая автором унификация ст. 1235 ГК РТ с п.2 ст. 136 ГК РТ, хотя и устраняет внутреннюю коллизию, не решает вопроса о соответствии международным подходам.

3. На стр. 108–113 диссертации автор рассматривает проблему разграничения свободного цитирования и плагиата. Данная проблема действительно является актуальной, однако предложенный автором подход вызывает серьёзные возражения. Автор утверждает, что необходимо «нормативное уточнение признаков правомерного цитирования, установление предельного объёма допустимого заимствования, а также определение признаков плагиата» (с. 112 диссертации). При этом автор, по сути, предлагает разграничивать эти два явления через их противопоставление.

Представляется, что в диссертации смешиваются различные по своей правовой природе явления. Правомерное цитирование выступает одним из предусмотренных законом случаев свободного использования произведения и представляет собой установленное законодательством ограничение исключительного права. Плагиат же, напротив, связан прежде всего с присвоением авторства и нарушением личных неимущественных прав автора. Указанные явления находятся в различных плоскостях правового регулирования и не всегда могут рассматриваться как взаимоисключающие категории.

Более продуктивным, по-видимому, являлось бы рассмотрение института цитирования в контексте системы установленных законом ограничений исключительного права, с учётом целей такого использования и принципа баланса интересов правообладателя и общества.

Плагат же должен исследоваться в рамках охраны личных неимущественных прав и ответственности за их нарушение.

Кроме того, автор не предлагает конкретных критериев объёма допустимого цитирования, ограничиваясь ссылкой на советские нормативы (10 тысяч знаков для прозы и 40 строк для стихов). В условиях цифровой среды и многообразия форм творческого самовыражения такие механистические критерии вряд ли применимы. Следовало бы рассмотреть более гибкий подход, при котором допустимость цитирования оценивается с учётом цели цитирования и особенностей конкретного произведения — научной статьи, учебника, художественного, музыкального или аудиовизуального произведения

4. На стр. 114–119 диссертации автор анализирует механизм принудительного лицензирования и предлагает расширить перечень оснований для его предоставления, включив такие обстоятельства, как «охрана окружающей среды, реализация целей устойчивого развития, обеспечение доступа к жизненно важным технологиям в сфере охраны здоровья населения, развитие образования и науки».

Данное предложение, безусловно, заслуживает внимания и отражает современные тенденции развития права интеллектуальной собственности. Однако оно вызывает ряд вопросов с точки зрения практической реализуемости и баланса интересов.

Во-первых, предложенный автором перечень оснований является чрезвычайно широким и оценочным. Понятия «жизненно важные технологии», «развитие образования и науки» не имеют легального определения и могут толковаться весьма произвольно. Это создаёт риск злоупотреблений со стороны потенциальных лицензиатов, которые могут пытаться получить принудительную лицензию под видом «общественного интереса», когда на самом деле речь идёт об их коммерческой выгоде. Во-вторых, автор не предлагает механизма определения «соразмерной

компенсации» патентообладателю. Между тем, это один из самых сложных вопросов в практике принудительного лицензирования.

В-третьих, вызывает сомнение целесообразность придания механизму принудительной лицензии универсального характера, как это предлагается в авторской редакции ст. 1245 Гражданского кодекса РТ (с. 119 диссертации). Разные объекты интеллектуальной собственности (изобретения, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, сорта растений) имеют различную правовую природу и экономическое значение. Единый механизм принудительного лицензирования может оказаться неприменимым или малоэффективным для некоторых из них.

5. На стр. 128–141 диссертации автор рассматривает проблему злоупотребления исключительными правами и приходит к выводу о необходимости «предусмотреть в каждом специальном законе в сфере интеллектуальной собственности норму, закрепляющую объединяющее начало пределов осуществления исключительных прав в отношении того охраняемого объекта, на регулирование которого направлен этот закон» (с. 140). Данный вывод является дискуссионным с точки зрения законодательной техники и общей теории права.

Общие нормы о запрете злоупотребления правом (ст. 9 Гражданского кодекса Республики Таджикистан) в силу своего универсального характера применимы ко всем субъективным правам, включая исключительные. Специальные законы в сфере интеллектуальной собственности могут конкретизировать эти общие положения применительно к отдельным объектам, но дублирование общей нормы в каждом специальном законе представляется избыточным и может привести к коллизиям. Если в специальном законе будет предусмотрена своя собственная норма о злоупотреблении, а в общем Гражданском кодексе – иная, возникает вопрос о приоритете их применения.

Кроме того, автор не учитывает, что некоторые формы злоупотребления исключительными правами могут одновременно являться нарушением антимонопольного законодательства, такими как злоупотребление доминирующим положением на рынке и недобросовестная конкуренция. В таких случаях приоритет должны иметь специальные нормы о защите конкуренции, а не общие нормы о злоупотреблении правом.

Наконец, на с. 140 диссертации автор отмечает, что «специфика сферы интеллектуальных прав обуславливает необходимость конкретизации пределов осуществления интеллектуальных прав и форм проявления злоупотреблений ими». Однако сама такая конкретизация не дана. Автор ограничивается указанием на желательность перечня злоупотреблений, но не предлагает даже примерного такого перечня. Это снижает практическую ценность данного предложения.

Высказанные замечания носят в основном дискуссионный характер и направлены на дальнейшее научное обсуждение отдельных положений диссертационного исследования. Они не снижают общей высокой оценки проведённой работы, её научной значимости и практической ценности.

Диссертация Астаповой Шахнозы Рашидовны на тему «Ограничения исключительных прав и пределы их осуществления в гражданском праве Республики Таджикистан» является самостоятельно выполненным, завершённым научным исследованием, содержащим решение задачи, имеющей значение для развития гражданского права и доктрины интеллектуальных прав Республики Таджикистан.

Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата юридических наук в соответствии с Положением о присуждении учёных степеней, утверждённым Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 16 октября 2024 г.). В диссертации соблюдены требования к объёму,

структуре, содержанию, научной новизне, обоснованности выводов и апробации результатов.

На основании изложенного считаю, что Астапова Шахноза Рашидовна заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата юридических наук по специальности: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор,
заместитель директора по научной и учебной работе
Института государства и права НАНТ

Сангинзода Д.Ш.

« 20 » 07 2026 г.

Адрес оппонента:

734060, Республика Таджикистан,

Варзобский район, дом №60

Тел.: +992 980850707

E-mail: doniyor_sanginov@mail.ru

Подпись Сангинзода Д.Ш. удостоверяю

Старший специалист отдела кадров

Института государства и права НАНТ

Давлатмуродзода Б.Д.

« 20 » 07 2026 г.

Адрес учреждения:

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 19;

Тел./факс: 8 (992) 37 221-65-72; 221-65-85; E-mail: idh@amit.tj

Сайт: www.idhamit.tj.